

А.Н. ДАНИЛОВ,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ НАН БЕЛАРУСИ, ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК),
Ж.М. ГРИЩЕНКО,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ КАК КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Предпринята попытка обоснования самостоятельного статуса дисциплины «Социология политики» через специфику ее метода, привнесенного социологией в сферу политической науки. По сравнению с традиционными подходами предметно-объектного дискурса внимание акцентируется на специфике методологии социоанализа, позволяющего более рельефно отразить сущность социологии политики и ее отличие от политологии.

The status of sociology of politics as a middle-range theory is given grounds for through considering the specificity of its method applied in political science. Apart from the traditional approaches of subject-object discourse the focus is made on the specificity of methodology of socio-analysis enabling to more vividly show the essence of sociology of politics and its difference from politology.

Активное «вторжение» социологии в политику имело своим прямым следствием формирование **междисциплинарного** научного направления – социологии политики. Данный факт сегодня оспорить трудно. Что касается всех других проблемных аспектов взаимодействия политологии и социологии политики в едином научном поле (в особенности проблемы предметной дифференциации двух дисциплин), то большинство из них так и не вышли за рамки дискуссионности, а попытки придать ей некоторую конкретику не внесли ясности и не исключили, к сожалению, постановки целого ряда новых вопросов.

Ретроспекция научной рефлексии относительно взаимодействия политологии и социологии политики неоднозначна. К настоящему моменту четко выражены четыре основные концептуальные точки зрения.

Первая принадлежит политологам, утверждающим приоритетность политологии с точки зрения реализуемой ею интеграционной функции. Социология политики здесь рассматривается как сфера политологии, включающая помимо социологии политическую философию, политическую психологию, политическую историю, политическую антропологию, политическую географию (геополитика) и, наконец, международную политику. Таким образом, отношение политологии и политической социологии преподносится через взаимодействие общего и частного. При этом социологические «частности» связываются в большинстве своем с **социальным** вектором политики и власти.

Представленная точка зрения не лишена уязвимости. С одной стороны, не совсем понятно, что остается от центральных категорий политологии – политики и власти – вне социального контекста? А с другой стороны, что

принадлежит самой политологии, если все ее контексты и ракурсы предметной исследовательской акцентуализации разобраны? Интегрирующее начало, координирующее и направляющее исследовательский поиск?

Для аргументированности своих выводов уточним, что политика, как и власть, **социальна** по своей природе, функциональной направленности и, наконец, выраженности как массовый процесс. По-разному трактуется социальный механизм происхождения политики и власти. В одном случае как феномен общественного договора, т. е. добровольной со стороны общества передачи полномочий ряду лиц в целях солидаризации и выживания общественного организма (например, в философии у Д. Локка), в другом – как органическое следствие усложнения социальной организации, его объективной систематизации (накопление массы), обуславливающей закономерную дифференциацию частей и, как следствие, – объективную закономерность выделения координирующего органа – власти (например, в теории органической эволюции Г. Спенсера).

Социальность природы политики и ее **функциональной направленности** нашла отражение и в трудах современных авторов (в том числе и политологов), определяющих сущность политики не иначе как **деятельности, направленной на осознание и отстаивание интересов различных социальных групп и слоев населения и выработку обязательных для всего общества решений, осуществляемых с помощью государственной власти.**

Как функция управления государством (искусство управления) политика органично связана со всеми его структурами и сферами жизнедеятельности, ибо реализует прежде всего функцию стратегического целеполагания (например, в системе AGIL у Т. Парсонса). В этой связи помимо прочего политика отмечена **социальной** выраженностью, ибо органично включает в свой «водоворот» все слои общества, отражаясь на качестве его жизни.

Таким образом, политика вне социального контекста может быть представлена как **голая схема институциональных образований** или как **набор политических технологий**, оценить природу и эффективность которых также невозможно принципиально вне их социального контекста. Можно, например, говорить о технологическом обеспечении предвыборной кампании В.В. Путина. Однако понять ее эффективность и содержательную наполненность возможно только в связи с учетом стереотипов массового сознания российского общества. Иначе технологический процесс, сопровождавший эту выборную кампанию, останется мертвой схемой, логически противоречивой и даже парадоксальной с учетом декларируемых Россией демократических ценностей. Аналогично и политика вне социального контекста лишается своих причинно-следственных связей и объяснительных схем, которые напрямую связаны с конкретным **социальным** контекстом, причем с достаточно широким, включающим историческую ретроспекцию. Не случайно принцип учета **контекстуальности** при интерпретации социальных реалий (в первую очередь политических) рассматривается сегодня мировой научной общественностью как один из основополагающих методологических принципов актуального социоанализа¹.

Следовательно, если убрать из политики социальный контекст, отдав его на откуп социологам, то надо поставить знак равенства между политологией и социологией политики, признав данные понятия как относящиеся к одному синонимическому ряду. Кстати говоря, **вторая концептуальная линия** чрезвычайно характерна для западных обществоведов, не рефлектирующих по поводу предметной специфики двух дисциплин, согласившись раз и навсегда с тождественностью политической социологии как политологии, так и социологии. В США, например, наиболее популярен термин «политическая наука», т. е. социология политики рассматривается как органичная составляющая единой политической науки. Что касается Западной Европы, то здесь чаще употребляют термин «политическая социология», под-

черкая правомочность признания социологического статуса дисциплины. Более того, социолог, работающий в сфере политики, воспринимается в среде научной общественности и как политолог, и как социолог. Никого не удивляет его присутствие и на социологическом, и на политологическом конгрессах, а также активное участие в соответствующих международных ассоциациях (IPSA или ISA). Очевидно, что в основе сложившихся закономерностей отношения к статусу социологии политики лежит факт признания ее **междисциплинарного** характера. Заметим, признание безоговорочно **аксиоматического**, а следовательно, не требующего дополнительных обоснований. Тезис о целесообразности четкого разделения двух дисциплин на базе строгого методологического обоснования **популярен исключительно в отечественной профессиональной среде**. С учетом пролонгированной на десятилетия попытки отечественных обществоведов реализовать данную задачу можно усомниться, не стоит ли за этим упорным стремлением к «размежеванию» между политологами и социологами некий иной смысл, нежели собственно научный? Однако вернемся к этому предположению чуть позже.

Третья точка зрения распространена среди социологов и сводится, по существу, к признанию социологии политики **отраслью социологии**, статусная определенность которой исчерпывается рамками теории среднего уровня. В отечественном научном дискурсе данная проблема эксплицируется через попытки «развести» в разные стороны **объектные и предметные** проблемы двух дисциплин, доказав при этом их относительную самодостаточность.

Надо признать, что наметившаяся плюралистичность подходов и трактовок предмета социологии политики обозначила **бесперспективность достижения консенсуса** в этом вопросе и приобрела в настоящее время выраженный **схоластический** характер. В качестве доказательства обратимся к некоторым сравнительно недавно изданным учебникам по социологии политики.

Так, например, Е.М. Бабосов дает определение дисциплины «Политическая социология» через ее **объектную** ориентированность на «взаимодействие политических и социальных систем в процессе функционирования и распределения власти», а **предметную** – через «закономерности... политических процессов... политических отношений... политических режимов, политических норм, ценностей, политических ожиданий, ориентаций и стремлений...»². В принципе с этим спорить сложно, ибо указанная совокупность категорий адекватна содержанию структуры любого учебника по социологии политики, равно как и политологии. Вместе с тем с точки зрения методологического обоснования **предметной специфики** политической социологии формулировка ничего не объясняет. Во всяком случае, не добавляет ясности в суть проблемы.

Гораздо более выигрышно на этом фоне выглядит попытка российских коллег, предложивших довольно **широкое толкование предмета** социологии политики как анализа закономерностей взаимодействия всех структур и сфер жизнедеятельности общества с политикой. Соответственно заданному пониманию строится и логика структуры самой дисциплины: по критерию сфер (культурная, экономическая, социально-демографическая, экологическая, международная политики)³. По крайней мере, такое понимание предметной специфики политической социологии сравнительно **рельефно** проводит водораздел между ней и политологией. Логика дифференциации двух дисциплин укладывается в русло логической дихотомии: собственно политикой занимается политология, а социальной политикой – политическая социология. Жаль только, что структурная композиция российского учебника выходит за рамки обозначенной определенности и опять нарушает ясность в данном вопросе.

Авторы другого российского издания, соглашаясь с концентрированностью социологии политики на анализе взаимодействия политики и общества, ограничивают саму политику необходимостью ее рассмотрения в **«терминах класса действий, а не в понятиях совокупности институтов или организаций»**. Иными словами, предмет социологии политики понимается ими как особого рода совокупность социальных действий, а именно политических⁴. Сознательно абстрагируясь от необходимости анализа институционального компонента политики (политическая система, государство, власть и др.) – исходных объектов анализа политологии, авторы тем не менее не приводят оснований, вполне достаточных для аргументации своей концептуальной линии. Ибо функционирование всех без исключения политических институтов также можно описать в категориях класса действий. Поэтому названный критерий мало что дает для содержательного «разведения» двух дисциплин, о чем и свидетельствует структура учебника⁵.

Наконец, авторы учебника под редакцией Ж.Т. Тощенко вполне категорично ограничивают направленность политической социологии объектом (человеком и гражданским обществом как контрапартнера государства) и предметом – закономерностями политического сознания и политического поведения людей, объективированных институционально (в деятельности государственных и общественных организаций, а также механизмах воздействия на власть)⁶. Иными словами, дифференциация двух дисциплин разрешается в рамках логической дихотомии государство – гражданское общество. Политология исходит из приоритета государства, а социология политики – гражданского общества. Надо признать, что данная концептуальная линия **наиболее рельефно** выражает специфику предметной направленности социологии политики. Хотя в принципе никак не «разводит» дисциплины содержательно, структурно, категориально и т. п. аналогично извечному вопросу о первичности курицы и яйца, разрешение которого в пользу одной из сторон обязывает рассмотрение и утверждение прав другой, относительно зависимой стороны.

Можно, конечно, теоретически предположить, что проблема избирательной системы США для политолога будет интересна своим институциональным аспектом (организация системы, ее структура, правила функционирования и т. п.), а для социолога политики гораздо более важным будет ответ на вопрос, почему активность электората в США год от года снижается. Но чтобы ответить на данный вопрос, социолог, работающий в сфере политики, обязан проанализировать избирательную систему именно с позиций ее качественной определенности. И напротив, анализ политологом избирательной системы с позиции ее конкретной институционализации будет выглядеть абстрактно, если не будет сопряжен с оценкой ее эффективности, критерием которой, помимо прочего, выступит активность американского электората.

Таким образом, попытки «разведения» предмета политологии и социологии политики даже в случае предельно четкого выражения смысловых акцентов ничего не дают в плане содержательной дифференциации двух дисциплин и напоминают скорее **интеллектуальные рокировки** спорящих сторон в рамках **схоластических** умозаключений протяженностью в несколько десятилетий.

Четвертая точка зрения заслуживает особого внимания, ибо вообще пренебрегает междисциплинарным делением, ограничивающим исследовательскую практику предметно и объектно, ставя во главу угла **инструментальную** ценность социологии. Речь здесь идет о принципиально ином подходе к пониманию политической социологии, где «царствует» свободный от дисциплинарных ограничений, независимый от чьих-либо амбиций и интересов, ответственный своей в высшей степени гражданской позицией и потому системно критически рефлексирующий субъект социоанализа. Ав-

тор этой **методологической парадигмы** не скрывает, что особая миссия в данном процессе принадлежит социологу, инвестирующему свой профессиональный и интеллектуальный, более того, нравственный и символический капитал в бескомпромиссный анализ окружающей его реальности⁷. Речь идет, конечно же, о Пьере Бурдьё. И, надо честно признать, что его социология политики – это лучшее, чем мы располагаем сегодня.

Первое, что обращает на себя внимание любого заинтересованного исследователя, – Бурдьё абстрагируется от методологических стереотипов предметно-объектного дискурса и при этом достигает главного – раскрывает специфику социологии политики **как критической рефлексии политической практики**, основанной на **методологии социоанализа**.

Суть эксплицированной (равно как и имплицированной) Бурдьё методологии не допускает ограниченности предметными рамками, потому спор о предметной специфике заведомо представляется бессмысленным. Равно как и объектные рамки его социологии политики значительно шире поля политики. Утверждая принцип гомологичности пространственных структур и полей, сопряженности физического и социального пространства, а также видов капитала, он рассматривает поле политики (как, впрочем, и социологию в целом) как объективированную топологию позиций-диспозиций, объяснить которую в отрыве от принципа широкой контекстуальности нельзя в принципе.

Было бы неверным трактовать социологию политики Бурдьё как **эмпирическую параметризацию** актуального содержания поля политики, т. е. низвести сюжет до уровня исключительно эмпирического. Вся ценность его социологии политики как раз и состоит в стремлении вывести объективированные в практическом опыте факты социальной реальности (в том числе и политической) на уровень **теоретических закономерностей**, а следовательно, придать этим закономерностям некий порог **унифицированности**. Без сомнения, речь может идти о **теории среднего уровня**.

Практическая польза опыта Бурдьё как раз и состоит в том, что сформулированные им закономерности функционирования поля политики вооружают читателя (исследователя по меньшей мере) **методологически**, т. е. задают алгоритм «прочтения» политических реалий. Схема, предложенная Бурдьё и успешно имплицированная читателем (если это возможно!), трансформируется в некую ментальную структуру (своеобразный габитус), расширяющую горизонты «видения» объекта анализа. Не случайно «Социология политики» Бурдьё вызвала огромный интерес и оказалась методологически состоятельной для отечественных исследователей, несмотря на сомнения в этом самого автора, высказанные в «Предисловии» к изданию работы на русском языке⁸.

Надо честно признать, что именно подход Бурдьё был решительным шагом в нашем понимании **предметной специфики** политической социологии, хотя сам автор концепции, отметим еще раз, так конкретно вопрос никогда не формулировал. Социология политики Бурдьё раскрывается не иначе как **критическая рефлексия политических практик**, т. е. скорее как **специфический метод, социологический инструмент** анализа политики как социальной реальности. А сама политическая наука есть **рационализация компетентности**, которой требует универсум политики и которой профессионалы владеют на практике⁹.

Следует заметить, что попытки размежевания двух дисциплин по критерию их **методологии** можно проследить у американцев еще с середины XX ст. Например, у Дэвида Истона, хорошо известного своей идеей **кибернетического подхода** к анализу политических систем¹⁰. Напомним, что автор рассматривает два наиболее типичных для американской политической науки методологических подхода. Первый предполагает развитие логики исследователя в направлении сверху вниз: есть властвующая элита с

ее политическими стратегиями, целями, задачами (ввод) и подвластные ей слои населения (вывод). Вторая модель, напротив, отталкивается от низов (граждане) с их политическими интересами, ценностями, установками, ожиданиями (ввод) и двигается к верхушке властвующей пирамиды (вывод). Оригинальность положенного в основу кибернетического подхода не столь важна. Понятно, что в обеих моделях заключительный этап (вывод) выступает в качестве **ретранслятора** содержания начального этапа (ввода). Заметим также, что первая из моделей была наиболее популярна в США до Второй мировой войны, тогда как вторая достаточно рельефно объективировала себя в исследовательской практике послевоенного периода (здесь уместно вспомнить, что становление политической социологии также датируется этим временным интервалом). Понятно, что исторические предпосылки перехода от одной культивируемой исследователями модели к другой связаны с началом второй волны демократических преобразований в мире, последовавшей сразу после слома гитлеровской диктатуры и нарастающего страха американского общества перед диктатурой сталинской. Поэтому смысл «переключения» на вторую методологическую модель, естественно, не в кибернетическом подходе, привнесшем оригинальность в политический сюжет, хотя бы терминологическую. Смысл – в поиске путей противостояния господству тирании путем изучения тенденций в массовом сознании как исходной базы принимаемых властью политических решений. Содержательная несостыковка между «вводом» в систему и «выводом» из системы оставляет резерв для последующей коррекции политических решений, хотя не страхует от непредсказуемого влияния того «черного ящика», который реализует в этом процессе опосредующую (управленческую) роль.

Таким образом, объяснительная разрешающая способность дихотомии объект – предмет как оснований к разделению политологии и социологии политики чрезвычайно **не продуктивна**. Ее методологическая нагруженность выглядит **схоластичной** и оправданной лишь в одном – иллюстрации отсутствия достаточных оснований к признанию самостоятельного статуса двух дисциплин. Объяснить ее может только **метод, или инструментальная ценность социологии**. Социология политики, таким образом, трактуется как **вовлеченная в политическую практику стратегия**, чьи интересы **инвестированы** в действительность, которую она **призвана понять и объяснить**, в том числе содержанием своей теории среднего уровня, которая, кстати говоря, имеет вполне конкретное определение – «Социология политики». Не случайно один из самых популярных современных американских политологов-социологов М. Липсет всегда предпочитал называть себя социологом, мотивируя это **научной строгостью** (во всяком случае со времен М. Вебера) социологии, в отличие от политологии, не имеющей своей теории, равно как и своего метода анализа.

Абстрагируясь от сути социологической парадигмы Бурдьё, отметим, что качественная определенность объективированного в ней **социоанализа** позволяет (помимо прочего) существенно дополнить уже задействованный категориальный аппарат политической социологической науки, используя следующие понятия: делегирование полномочий, габитус, поле политики, позиция-диспозиция, узурпация власти, символическое насилие, политическое отчуждение, гомология пространственных структур, эффект аппарата, политический капитал и др. В своей совокупности они представляют «кодификацию правил функционирования поля идеологического производства», а также набора знаний и умений, необходимых для того, чтобы им следовать¹¹. За каждой из названных категорий стоят конкретные закономерности формирования и функционирования политического пространства. Вне их конкретной содержательной наполненности невозможно в принципе понять его сути.

Таким образом, рационализация подхода к специфике политической социологии через **специфику ее метода** сопряжена с рядом трудностей. С одной стороны, собственно методологического характера. О каком таком сугубо социологическом методе может идти речь? Тем более, что все наши учебники по социологии в качестве собственно социологических методов рассматривают опрос, наблюдение, анализ документов, эксперимент. Очевидно, что ни один из названных здесь методов не может претендовать на статус собственно социологического, так как каждый из них относится к ряду общенаучных методов исследования. Однако есть один, о котором мы часто забываем или придаем ему завуалированно фрагментарный характер, но который действительно отмечен социологической спецификой, – **это изучение общественного мнения**. В конечном счете самый популярный в социологии метод опроса (в двух своих модификациях – анкетирование или интервьюирование) в итоге есть ничто иное, как объективированный в результатах **плюрализм мнений** по существу интересующей нас проблемы. Фактически каждая из обилия специальных социологических дисциплин базируется на эмпирической базе опросов примерно на 85 % и, следовательно, эмпирически представлена **инвариантностью мнений** по существу заданной темы. Приписать ему определение «общественное» мешают идеологические стереотипы советской социологии, традиционно утверждающей **монизм** (весь народ или его подавляющее большинство) **субъекта** и **качественную определенность** (острое, судьбоносное для страны социальное звучание) **предмета**. Не вдаваясь здесь в слишком пространные размышления об очевидном «прорыве» социологии общественного мнения в направлении **плюралистической парадигмы**, о чем мы уже писали¹², отметим, что именно социолог располагает базой **субъективно-го** «видения» объективной социальной реальности. Это его, социолога, ментальная матрица (габитус), через призму которой он анализирует социальную практику. И в этом, кстати говоря, его безусловная привилегия и **предметная специфика** социологии, в том числе и социологии политики.

Инструментальная ценность категории «общественное мнение» в контексте социологии политики носит **принципиальный** характер. Не случайно в свою «Социологию политики» Бурдьё включил знаменитое эссе «Общественное мнение не существует». Эпатажность заглавия работы как раз сродни глубокой научной рефлексии ученого, понимающего значимость института общественного мнения, его места и роли в политике и предупреждающего вероятность его использования как средства политической манипуляции. Причем вероятность эта может быть сопряжена не столько с сознательным со стороны социолога искажением результата, сколько с методологическими и процедурными просчетами самого исследователя. Три знаменитых методологических постулата Бурдьё, несмотря на их отдельные формулировки, завязаны на общей проблеме необходимости учета **порога компетентности** массового сознания¹³. Здесь автор работы ставит вопрос не только о профессиональной грамотности социолога, но и о его гражданской ответственности и моральной честности, не позволяющей оценивать факты с позиции своих личных **амбициозных** интересов, а исключительно с позиции, адекватной интересам гражданского общества. В этом, кстати говоря, выражается **этическая** составляющая его социоанализа.

С точки зрения методологии науки утверждение самостоятельного статуса любой научной дисциплины предполагает в качестве достаточных оснований по меньшей мере четыре из них: наличие **самостоятельного объекта** (или предмета), оформленность **категориального аппарата**, наличие **закономерностей** функционирования объекта дисциплинарного интереса и, наконец, **методов**. В случае с политической социологией, как свидетельствует опыт ретроспективного сравнительного анализа, специфического (в сравнении с политологией) объекта мы не найдем. **Политика и**

власть – вот две основные категории, отражающие **объектные сферы** двух дисциплин. И к каким бы ухищрениям мы не прибегали в своих попытках оттенить объектную сферу социологии политики посредством акцентуализации ее интереса к **социальному** контексту политики (или взаимодействию политики (власти) со всеми социальными сферами общества), все они кажутся абсурдными, ибо объяснить роль политики, равно как и власти, без социального контекста невозможно. И жаль того политолога, который пытается это сделать. Блестящий пример в этом смысле представляет Бурдье. Его оценка власти с точки зрения процессуальности (делегирующие полномочия) предполагает противоречивый характер двустороннего взаимодействия между **социальной группой**, делегирующей полномочия своему **субституту** (уполномоченному представителю интересов данной группы). С точки зрения статики власть также выглядит как определенным образом выстроенная **позиция** (мера владения или приближения к видам капитала), которая оценивается таковой в соотношении с **диспозицией другого** (не властвующего социального агента или группы лиц)¹⁴.

Поскольку объектные сферы дисциплин совпадают, а предметные разнятся в чуть уловимых нюансах расставленных акцентов (угол зрения, точка отсчета и т. п.), то становится очевидной и **тождественность их категориального аппарата**. Принцип дополнительности здесь реализует опять же **социологический метод**, привносящий в социологию политики набор своих инструментальных категорий: опрос, репрезентативность, активность инструментария, аутентичность мнений, артефакт, выборка и т. д.

Применительно к политической социологии общественное мнение в своей плюралистической содержательной определенности служит базой для критического анализа функционирующей политической практики. Данный вывод, особенно в студенческой аудитории, опять наталкивается на необходимость преодоления **барьера идеологических штампов** прежних лет, не допускающих принципа критической рефлексии в адрес политического сюжета уже потому, что сама перспектива критичности мышления овеяна страхом абсолютизации необоснованного критиканства, да еще по поводу столь авторитетных объектов, как власть и ее функции – политика. Преимущественно из-за этих имплицитно локализованных в нас **стереотипов** сознания мы и углубляемся в абстрактное теоретизирование по поводу власти и политики, годами муссируем проблему предметно-объектной ориентации научных дисциплин, фокусируемся на одних и тех же категориях – политическая система, политическая сфера, политические отношения, власть, политика и т. п., не утруждая себя наполнением данных реалий **конкретным содержанием эмпирического поля** политики и попытками **экстраполировать** накопленный эмпирический материал **на уровень политических закономерностей современности**.

Проблема **закономерностей** политической социологии заслуживает отдельного внимания. Надо честно признать, что отечественная социология в настоящее время располагает мощной эмпирической базой данных, позволяющей сформулировать и представить **закономерности** функционирования политики и власти на **аналитическом уровне конкретных социологических исследований** посредством выкристаллизации основных **тенденций в массовом сознании** (или общественном мнении) по поводу власти и политики. В обозначенных рамках можно говорить о закономерностях функционирования основных **субъектов политики**: власти (исполнительная, законодательная, судебная, верховная и базовая ветви), партий, политической элиты, оппозиции, политических лидеров, общественного мнения и др. Параллельно речь может идти о **закономерностях процессуального** аспекта актуального поля политики: характере демократических трансформаций, избирательной кампании и электоральном поведении, политическом участии и культуре гражданского общества, закономерностях

политического сознания и политического конфликта, характере политических инноваций, в том числе с позиций внедрения новых политических технологий и др. Обозначенный круг закономерностей с позиции их восприятия массовым сознанием, т. е. гражданским обществом, – это то, что составляет собственно содержание политической социологии, и одновременно то, что привносит социологический метод в политическую науку. Фактически все ведущие социологические подразделения страны (кафедра социологии БГУ, Центр социологических и политических исследований БГУ, Институт социологии НАН Беларуси, социологическое Агентство «Новак» и др.) в системном режиме и на протяжении двух последних десятилетий активно исследовали в рамках отечественных и зарубежных проектов **актуальное содержание поля политики Республики Беларусь**. Проблема лишь в том, что объективированные в результатах многочисленных социологических исследований закономерности не отражены до настоящего момента на страницах учебных пособий, не популяризируются в студенческой аудитории, а остались в рамках внутреннего (служебного) пользования или стали предметом торга с очередным заказчиком.

А ведь основной целью политической социологии как предмета является **формирование гражданской зрелости** студенческой молодежи и приобретение ею **практических навыков анализа** политической ситуации через ее восприятие и оценку гражданским обществом. Поэтому для сюжета социологии политики принципиально понимание того, что стратегический курс политики государства с его взвешенностью, социальной ориентированностью и осторожностью в отношении, например, к экономическому или приватизационному радикализму (сюжет политологии) продиктован **закономерностями**, фиксируемыми в **массовом сознании** (сюжет социологии политики). Именно они (эти закономерности) объясняют, почему данный политический курс на протяжении ряда лет поддерживается большей частью гражданского общества.

Или, скажем, оценка политической системы страны с выраженной **авторитарной** составляющей («волевой центр») или формами «делегированной демократии», «авторитарной демократии», несмотря на их кажущуюся нелогичность принципам декларируемой демократии (транслирует политология), тоже имеет под собой мощную эмпирическую базу закономерностей (транслирует социология политики), раскрываемую через **своеобразие ментальности** гражданского общества, его **самооценок качества и уровня жизни**, доминирование **патерналистских** свойств политической культуры, отсутствие **демократических** навыков организации своей жизнедеятельности и многое другое. Например, трудно усомниться в поддержке существующего политического режима, когда знаешь об **устойчивом характере** закономерности, выраженной в **приоритетности ценностей порядка и спокойствия** в стране. Именно так определяло общественное мнение перспективы развития страны на ближайшие десять лет¹⁵.

Аналогичная ситуация и с проблемой политической элиты современного общества. Как бы высокопарно не звучали теоретические контексты В. Парето и Р. Михельса (сюжет политологии), они не внесут ясности в суть проблемы и никогда не отзовутся обратным интересом к ней со стороны студенческой аудитории, пока не будет дан **фактический анализ** (сюжет политической социологии) современной политической элиты страны: ее не элитарному (по происхождению), а рабоче-крестьянскому статусу, обусловленному всем ходом отечественной истории, ее профессиональному и кадровому составу, оправданно сохранившему принцип преемственности (легче было Западной Германии, в одночасье поменявшей кадровый состав на владеющих демократической этикой управления сотрудников), образовательному уровню (кстати, самому высокому в Европе!) и, наконец, главному, что сама политическая элита, как и гражданское общество в целом, стоит пе-

ред проблемой **включенности в демократический контекст**, не обнаруживая высокой степени усвоения **демократической этики управления**¹⁶.

А феномен белорусской оппозиции? Несмотря на декларирование своей от «природы данной» демократичности, так и осталась оторванной от народа, не сумев преодолеть **политического отчуждения** в отношениях с гражданским обществом. Как, впрочем, и наши многочисленные партии, застывшие на уровне агрегации и артикуляции своих **элитарных** интересов, не нашедших поддержки в широких народных массах. Всему этому есть фактическое подтверждение в отечественной социологии политики, в ее эмпирической базе. Главная проблема заключается в том, чтобы **преодолеть в себе теоретическую «загруженность»** и попытаться донести до студенческой аудитории правду жизни через **закономерности** трансформационных процессов в гражданском обществе, отраженные в общественном сознании и выраженные через общественное мнение.

Таким образом, социология политики, основанная на привнесении в политическую науку социологического метода, позволяет дать **обоснованную и беспристрастную** оценку актуальной политической реальности и помочь понять глубинные процессы, которые в ней происходят.

Что касается теоретических обобщений **среднего уровня**, то они предполагают более длительное осмысление происходящих в обществе процессов. Аналогично тому, как формулировка эмпирических закономерностей предусматривает этап накопления базы данных прежде, чем обозначенные закономерности смогут себя рельефно (ощутимо) выразить, теория среднего уровня также предполагает длительный временной интервал осмысления закономерностей микроуровня и возможностей их экстраполяции на более высокие этажи макроуровневого содержания. Так, например, исследовательский опыт опросов общественного мнения зафиксировал три основных закономерности распределения полученных данных: устойчивая односторонняя кривая (совпадение позиций респондентов), унимодальная или колоколообразная дистрибуция (лишь небольшая часть респондентов привержена крайним позициям) и бимодальная дистрибуция (поляризация позиций). Все обозначенные закономерности вряд ли могут иметь практическую ценность вне рамок микроуровневого контекста социологии общественного мнения. Однако вывод о том, что бимодальная дистрибуция результатов (крайнее размежевание населения в оценках) может с большой степенью вероятности привести к гражданской войне, вполне претендует на статус макроуровневой закономерности социологии общественного мнения. Данный вывод принадлежит американской социологической школе, накопившей огромный исследовательский опыт изучения общественного мнения (с 1920-х гг.), что и стало основой для подобного рода заключений¹⁷.

Поэтому нет ничего противоестественного в том, что отечественная политическая социология сосредоточена сегодня на анализе закономерностей эмпирического опыта политических трансформаций, тем более, что и опыт наш уникальный, не имеющий аналога в мировой практике. Сегодня каждая из стран постсоветского пространства обладает своим набором эмпирических закономерностей актуальных политических (и не только) практик. Диспозиция Беларуси в этом трансформационном проблемном поле отмечена своей специфической социокультурной инвариантой развития¹⁸, куда органично вплетены власть и политика. Их эмпирическая параметризация как объектов научного интереса социологии давно стала реальностью, аккумулирующей развитие отечественной социологии политики.

¹ См.: Кравченко С.А. К итогам VIII Конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социс. 2008. № 2.

² Бабосов Е.М. Прикладная социология: Учеб. пособие. Мн., 2000. С. 59.

³ См.: Политическая социология: Учеб. пособие / Отв. ред. Г.П. Сопов. Ростов н/Д., 2007.

- ⁴ См.: Алисова Л.Н., Голенкова З.Т. Политическая социология. М., 2006. С. 3.
⁵ Там же.
⁶ См.: Политическая социология: Учеб. для вузов / Под ред. чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко. М., 2002.
⁷ См.: Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. М., 1993.
⁸ Там же. С. 27.
⁹ Там же.
¹⁰ См.: Истон Д. Системный анализ политической жизни. Нью-Йорк, 1965.
¹¹ См.: Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. М., 1993.
¹² См.: Грищенко Ж.М. Общественное мнение в лабиринтах научного дискурса // Социология. 2008. № 3. С. 73–79.
¹³ См.: Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. М., 1993. С. 161.
¹⁴ Там же. С. 233–261.
¹⁵ См.: Grischenko J., Stromberg L., Szucs S. Lokal Elites, Political Capital and Democratic Development: Governing Leaders in Seven European Countries. Göteborg, 2005.
¹⁶ См.: Грищенко Ж.М. Феномен политической элиты в контексте транзитива // Социология. 2008. № 1. С. 32–42.
¹⁷ См.: Роскин М.Дж., Корд Р.Л., Джонс У.С. Введение в политологию. Нью-Джерси, 1991. С. 305–306.
¹⁸ См.: Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. Мн., 1997.

Поступила в редакцию 17.04.10.

Т